

полития

Н.Н.Гудалов, И.В.Чернов
РОЛЬ ЯЗЫКА
В РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
ИЗУЧЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

¹ Ряд тезисов, вошедших в данную статью, был представлен Н.Н.Гудаловым на 43 и 44 ежегодных конференциях Британской ассоциации международных исследований (13—15.06.2018 и 12—14.06.2019). Участие Гудалова в этих конференциях финансировалось Санкт-Петербургским государственным университетом (ID: 27942619; ID: 40083992).

Николай Николаевич Гудалов — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Для связи с автором: n.gudalov@spbu.ru.

Игорь Вячеславович Чернов — кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Для связи с автором: i.chernov@spbu.ru.

Аннотация. Вопрос о роли языка в политическом реализме изучен довольно слабо. Более того, он в принципе редко ставится исследователями. И хотя в последнее время наметилась тенденция к пересмотру сложившихся стереотипов, сводящих реализм к наивной материалистической онтологии, примитивной корреспондентной эпистемологии и этическому цинизму, работ, нацеленных на анализ языкового измерения реализма, по-прежнему мало. При этом даже в тех трудах, где затрагивается данная проблематика, не делается попыток выявить некие общие тренды, характерные для этого направления в теории международных отношений. Между тем без учета этого измерения и его исторических модификаций едва ли возможно полноценное осмысление этой многовековой традиции политической мысли.

Стремясь заполнить существующий пробел, авторы обращаются к анализу воззрений ряда крупных теоретиков реалистической школы — от Фукидида и Т.Гоббса до классических реалистов, неореалистов и неоклассических реалистов. Проведенное ими исследование показывает, что язык играет в реализме значимую (пусть и не всегда четко выраженную) роль, причем он может рассматриваться не только как политический инструмент, но и как основа мировоззрения сообщества или научной модели. В то же время реалистский подход к языку не лишен изъянов, делающих его уязвимым для критики. Речь идет прежде всего о недостатке внимания к конструктивным взаимосвязям лингвополитических сообществ и соотнесению разных научных моделей или даже об абсолютизации их несоизмеримости. По заключению авторов,

характерный для реализма акцент на плюрализме и конфликтности имеет в том числе и языковые причины.

Ключевые слова: политическая философия, философия языка, теория международных отношений, политический реализм, постпозитивизм

Введение

² *Под языком в данном случае понимается не только естественный язык, но и любая система знаков, имеющих смысл для какого-либо сообщества.*

³ *Der Derian 1995: 367—368.*

⁴ *См., напр. Bell 2008; Guilhot 2015, 2016.*

⁵ *Hamati-Ataya 2010; Paipais 2014.*

⁶ *В их числе — Ball 1985; Kokaz 2001; Fierke 2002; Lebow 2008; Tjalve and Williams 2015; Frost and Lechner 2016.*

Вопрос о роли языка² в политическом реализме изучен довольно слабо. Более того, он в принципе редко ставится исследователями. И дело здесь не только в том, что многие реалисты, не предрасположенные к философской рефлексии, не пишут о языке явно. Не меньшее значение имеет то обстоятельство, что реализм часто упрощается оппонентами, прежде всего из числа постпозитивистов. Так, Джеймс дер Дериан, попытавшийся подвергнуть реализм глубокой семиотической критике, обвиняет его в «опоре на архаичную знаковую систему, где слова отражают объекты и теория независима от реальности, которую представляет»³, что едва ли отвечает действительности.

Справедливости ради надо отметить, что в кругу специалистов по теории международных отношений уже наметилась тенденция к пересмотру сложившихся стереотипов, сводящих реализм к наивной материалистической онтологии, примитивной корреспондентной эпистемологии и этическому цинизму⁴. Примечательно, что такой ревизии не чужды и некоторые постпозитивисты, обнаружившие в реализме ряд созвучных им подходов — внимание к нематериальным факторам и связям между познающим субъектом и объектом, а также историчность, плюрализм и контекстуальность в онтологическом, эпистемологическом и этическом отношениях⁵. Однако работ, нацеленных на анализ языкового измерения реализма, по-прежнему мало⁶, причем даже в тех, где затрагивается эта проблематика, не делается попыток выявить некие общие тренды, характерные для данного направления в теории международных отношений. Между тем без учета этого измерения и его исторических модификаций едва ли возможно полноценное осмысление этой многовековой традиции политической мысли.

В настоящей статье, опираясь на уже имеющиеся исследования, мы постараемся показать, что язык играет в реализме значимую (пусть и не всегда явно выраженную) роль, которая не сводится к политическому манипулированию, и проследить специфику реалистской трактовки языка, зафиксировав присущие ей изъяны. Разумеется, предлагаемая нами интерпретация будет строиться на анализе не всего богатейшего наследия реалистов (что заведомо невозможно), а лишь ряда репрезентативных примеров, которые, на наш взгляд, позволяют судить о языковом аспекте реализма *per se*.

**Языковая
проблематика
у Фукидида**

Историческую и логическую точку отсчета в исследовании обозначенной нами проблематики задает Фукидид, считающийся родоначальником политического реализма. Фукидида принято причислять к софистам, что само по себе, учитывая то внимание, которое уделяли языку софисты, говорит о важности такового для афинского историка. Однако, как будет показано ниже, его взгляды богаче и глубже софистских и не сводятся к рассмотрению языка лишь как инструмента. Так, в частности, в них можно найти элементы, сближающие их с постпозитивизмом. Речь прежде всего идет об акценте на «множественности человеческих мотиваций» и критике наивного эпистемологического и этического оптимизма, на что обратил внимание еще Фридрих Ницше⁷. По мнению Дункана Белла, «фукидидовский нарратив» в реализме описывает «неразрешимые конфликты» не только на уровне «интересов», но и на уровне «значений» и «ценностей»⁸.

⁷ Bell 2008: 4.

⁸ Ibid.: 5.

⁹ Kokaz 2001: 43; Lebow 2008: 34.

¹⁰ Lebow 2008: 34.

Одной из главных проблем для Фукидида является взаимодействие «слов» и «дел»⁹. Как справедливо замечает Ричард Нед Лебоу, у Фукидида «речь формирует действие, но действие трансформирует речь»¹⁰. Подобно Платону, Софоклу и Эсхилу, он видит в убеждении и средство, и цель, при этом этические вопросы для него важнее эффективности. Проводя различие между «убеждением за счет обмана... искаженной логики, насилия и других уловок» (примером которого могут служить речи за и против союза афинян с Керкирой) и убеждением, нацеленным на «построение или укрепление дружеских связей, общих идентичностей» (как в знаменитой надгробной речи Перикла)¹¹, он отдает предпочтение второму даже в плане *эффективности*. Именно ставка на убеждение через уловки, которое соотносится им с силой как иерархией и жесткими политическими инструментами, и стала, с его точки зрения, причиной «имперского перенапряжения» Афин, в итоге приведшего к их поражению в Пелопоннесской войне. Упор на убеждение второго типа, по сути, делает Фукидида предтечей концепции «мягкой силы»¹².

¹¹ Ibid.: 28, 34.

См. также Фукидид, *История*: 1.32—43 и 2.35—46 (пер. Г.А. Стратановского).

¹² Nye 2004.

Но преимущества убеждения данного типа в глазах афинского историка не ограничиваются чистой эффективностью, «поскольку оно обладает самостоятельной позитивной ценностью»: «Фукидид восхваляет силу языка и его способность создавать и поддерживать сообщество»¹³. Таким образом, уже Фукидид демонстрирует необоснованность тех претензий, которые предъявляет к реализму дер Дерриан: он понимает язык не просто как отражение некоей реальности, но и как важный фактор, *конституирующий* социальную реальность. Стабильность общественных порядков соотносится им со стабильностью значений слов, а конфликт и крах социальных установлений — с искажением общепринятых смыслов и появлением множества трактовок, используемых для защиты сталкивающихся частных интересов¹⁴.

¹³ Lebow 2008: 28—29, 34.

¹⁴ Ibid.: 34; Kokaz 2001: 33—34.

При этом важно отметить, что, в отличие от софистов, Фукидид не склонен рассматривать упорядоченность законов и языка как некий атрибут внутренней политики — в противовес политике «международной», где отсутствует общий язык. Описывая гражданскую войну

¹⁵ Фукидид, *История*: 3.82 (пер. Г.А. Стратановского).

¹⁶ Там же: 5.85—116.

¹⁷ *Kokaz 2001*: 33—34, 43.

на Керкире, он показывает, что утрата общего языка ввиду извращения привычного смысла слов возможна и *внутри одного полиса*¹⁵. В свою очередь, в отношениях *между полисами* нарушение словесных обещаний и попрание справедливости вполне могут сочетаться с сохранением принятых значений слов и представлений о справедливости¹⁶. То есть нарушения происходят, но не получают словесного оправдания¹⁷.

Однако, говоря о признании Фукидидом возможности устойчивого значения слов в «международной» политике, не следует забывать, что при всем своем политическом плюрализме Древняя Греция отличалась высоким уровнем культурного и особенно языкового единства. В этих условиях увязать взаимопонимание и справедливость с единым языком было не так сложно. Даже в периоды конфликтов разные полисы могли и в прямом, и в переносном смысле говорить на одном языке; когда же — в исключительных случаях — единство языка утрачивалось, это означало и подрыв взаимопонимания. Понятно, что в случае политических, постоянно говорящих на *разных* естественных языках, эта закономерность едва ли работает.

Языковая проблематика у Томаса Гоббса

¹⁸ *Ball 1985*.

¹⁹ *Ibid.*: 747.

Томаса Гоббса, одного из столпов реализма Нового времени, вряд ли можно назвать наивным материалистом или приверженцем корреспондентной концепции истины в политике. Теренс Болл даже полагает, что, не будучи «протопозитивистом», Гоббс был первым, кто совершил «лингвистический поворот»¹⁸. Вместе с тем он воспринял идею Фукидида, согласно которой «политии суть коллективные коммуникативные творения своих членов»¹⁹. В известном смысле, вопреки пространственным в теории международных отношений классификациям, его можно отнести к социальным конструктивистам.

Рассуждая о роли языка в политике, Гоббс обращал внимание на принципиальную разницу между политической философией (наукой) и физикой. Физика изучает реальность, существующую независимо от человека. Ввиду того что эта реальность создана не человеком, ее познание может быть лишь вероятностным, и язык здесь должен зависеть от познаваемых вещей. Что касается политической философии, то ее точнее сравнивать с математикой, прежде всего с геометрией. И в математике, и в политике человек *сам* конструирует некие идеальные объекты и правила — и потому способен полностью их познать. Математика является, а политическая наука может стать успешной, поскольку они строятся на ясных определениях и последовательной системе правил и договоренностей²⁰. «Искусство строительства и сохранения государства подобно арифметике и геометрии и основано на определенных правилах, а не только на практике»²¹.

Поэтому в математике и политике язык играет фундаментальную роль, не только описывая реальность, но и *конституируя* ее. По справедливому замечанию Шелдона Волина, тем самым «Гоббс предлагает

²⁰ *Hobbes 2003a*: 23, 28, 31—37, 47—48, 458—459, 461; *Hobbes 2003b*: 4—5, 238. См. также *Ball 1985*; *Wolin 2004*: 219—228.

²¹ *Hobbes 2003a*: 145.

нам удивительно современную концепцию философии как занимающей лингвистической „истиной“, иными словами, «условиями ясного мышления... правилами дискурса, а не... отчетами о подлинной природе „реальности“»²². Язык понимается Гоббсом как конвенция, результат «решения»²³. Создавая общество, человек становится творцом значений для политического мира²⁴.

Соответственно, гоббсовский общественный договор не сводится лишь к установлению власти в ее материальном измерении. И здесь опять же можно согласиться с Волином, увидевшем в трактовке «политического порядка» как «чувствительной системы коммуникации» один из наиболее оригинальных, хотя и часто игнорируемых вкладов Гоббса в политическую теорию²⁵. Естественное состояние — это анархия значений, ведущая к эпистемологическому и этическому произволу²⁶. Для Гоббса «добро и зло — это имена, обозначающие наши симпатии и антипатии», которые у разных людей неодинаковы и могут меняться даже у одного и того же человека; в естественном состоянии это порождает конфликты²⁷. Появление же Левиафана предполагает установление единого языка и гарантии его нерушимости²⁸.

Гоббс крайне редко упоминается многочисленными сторонниками концепции «языковых игр» Людвиг Витгенштейна в теории международных отношений²⁹. Между тем в логическом плане его взгляд на политику, язык и игру не слишком далек от нее — все они должны следовать определенным правилам; они и существуют только как следование правилам³⁰.

В то же время концепция Гоббса имеет известные ограничения. Во-первых, она едва ли позволяет дать содержательную оценку различным «политическим языкам». Общественные рациональность и этика у Гоббса во многом носят такой же субъективный характер, как и индивидуальные, только на уровне суверена: они сводятся к соблюдению правил, установленных тем или иным Левиафаном³¹, по сути исключая критику самих правил, понимаемых просто как конвенция³². Конечно, у политики есть и бесспорно важная обязательная составляющая — поддержание безопасности. Однако в других отношениях «суверен может вкладывать в публичные смыслы любое удобное ему содержание»³³.

Во-вторых, что особенно важно для теории международных отношений, остается неясным, как в условиях, когда система смыслов устанавливается каждым отдельным Левиафаном, возможны соотнесение и сопоставление *разных* языков и *разных* Левиафанов?

Прежде всего напомним, что многие классические реалисты отнюдь не были однозначными сторонниками позитивизма, материализма или исключения из теории международных отношений нормативных аспектов. Яркий пример — Ганс Моргентау, чью книгу «Человек науки против силовой политики», бросившую открытый вызов наивному рационализму³⁴, иногда не без оснований называют

«классическим реализмом».

В то же время концепция Гоббса имеет известные ограничения. Во-первых, она едва ли позволяет дать содержательную оценку различным «политическим языкам». Общественные рациональность и этика у Гоббса во многом носят такой же субъективный характер, как и индивидуальные, только на уровне суверена: они сводятся к соблюдению правил, установленных тем или иным Левиафаном³¹, по сути исключая критику самих правил, понимаемых просто как конвенция³². Конечно, у политики есть и бесспорно важная обязательная составляющая — поддержание безопасности. Однако в других отношениях «суверен может вкладывать в публичные смыслы любое удобное ему содержание»³³.

Во-вторых, что особенно важно для теории международных отношений, остается неясным, как в условиях, когда система смыслов устанавливается каждым отдельным Левиафаном, возможны соотнесение и сопоставление *разных* языков и *разных* Левиафанов?

Прежде всего напомним, что многие классические реалисты отнюдь не были однозначными сторонниками позитивизма, материализма или исключения из теории международных отношений нормативных аспектов. Яркий пример — Ганс Моргентау, чью книгу «Человек науки против силовой политики», бросившую открытый вызов наивному рационализму³⁴, иногда не без оснований называют

«классическим реализмом».

В то же время концепция Гоббса имеет известные ограничения. Во-первых, она едва ли позволяет дать содержательную оценку различным «политическим языкам». Общественные рациональность и этика у Гоббса во многом носят такой же субъективный характер, как и индивидуальные, только на уровне суверена: они сводятся к соблюдению правил, установленных тем или иным Левиафаном³¹, по сути исключая критику самих правил, понимаемых просто как конвенция³². Конечно, у политики есть и бесспорно важная обязательная составляющая — поддержание безопасности. Однако в других отношениях «суверен может вкладывать в публичные смыслы любое удобное ему содержание»³³.

Во-вторых, что особенно важно для теории международных отношений, остается неясным, как в условиях, когда система смыслов устанавливается каждым отдельным Левиафаном, возможны соотнесение и сопоставление *разных* языков и *разных* Левиафанов?

Прежде всего напомним, что многие классические реалисты отнюдь не были однозначными сторонниками позитивизма, материализма или исключения из теории международных отношений нормативных аспектов. Яркий пример — Ганс Моргентау, чью книгу «Человек науки против силовой политики», бросившую открытый вызов наивному рационализму³⁴, иногда не без оснований называют

«классическим реализмом».

В то же время концепция Гоббса имеет известные ограничения. Во-первых, она едва ли позволяет дать содержательную оценку различным «политическим языкам». Общественные рациональность и этика у Гоббса во многом носят такой же субъективный характер, как и индивидуальные, только на уровне суверена: они сводятся к соблюдению правил, установленных тем или иным Левиафаном³¹, по сути исключая критику самих правил, понимаемых просто как конвенция³². Конечно, у политики есть и бесспорно важная обязательная составляющая — поддержание безопасности. Однако в других отношениях «суверен может вкладывать в публичные смыслы любое удобное ему содержание»³³.

Во-вторых, что особенно важно для теории международных отношений, остается неясным, как в условиях, когда система смыслов устанавливается каждым отдельным Левиафаном, возможны соотнесение и сопоставление *разных* языков и *разных* Левиафанов?

Прежде всего напомним, что многие классические реалисты отнюдь не были однозначными сторонниками позитивизма, материализма или исключения из теории международных отношений нормативных аспектов. Яркий пример — Ганс Моргентау, чью книгу «Человек науки против силовой политики», бросившую открытый вызов наивному рационализму³⁴, иногда не без оснований называют

«классическим реализмом».

В то же время концепция Гоббса имеет известные ограничения. Во-первых, она едва ли позволяет дать содержательную оценку различным «политическим языкам». Общественные рациональность и этика у Гоббса во многом носят такой же субъективный характер, как и индивидуальные, только на уровне суверена: они сводятся к соблюдению правил, установленных тем или иным Левиафаном³¹, по сути исключая критику самих правил, понимаемых просто как конвенция³². Конечно, у политики есть и бесспорно важная обязательная составляющая — поддержание безопасности. Однако в других отношениях «суверен может вкладывать в публичные смыслы любое удобное ему содержание»³³.

Во-вторых, что особенно важно для теории международных отношений, остается неясным, как в условиях, когда система смыслов устанавливается каждым отдельным Левиафаном, возможны соотнесение и сопоставление *разных* языков и *разных* Левиафанов?

Языковая проблематика в реализме XX–XXI вв.

³⁴ Morgenthau 1947.

³⁵ *Hamati-Ataya* 2010: 1084.

³⁶ *Morgenthau* 1947. См. также *Hamati-Ataya* 2010: 1084—1085; *Paipais* 2014.

³⁷ *Guilhot* 2015.

³⁸ *Ibid.*: 11.

³⁹ *Ibid.*: 10—15.

⁴⁰ *Tjalve and Williams* 2015: 37.

⁴¹ *Ibid.*: 38.

«квазиконструктивистской»³⁵. Моргентау подчеркивал ограниченность познания, влияние познающего субъекта на объект, включенность исследователя в изучаемый им изменчивый социальный контекст³⁶.

Важной особенностью классического реализма был неустрашимый плюрализм на онтологическом, эпистемологическом и этическом уровнях. Это касалось как сосуществования различных политий, так и соотношения исторических периодов. Так, некоторые классические реалисты отрицали наличие каких-либо всеобщих исторических «законов», рассматривая историю как смену эпох, подчинявшихся собственной логике. Аналогичным был и их взгляд на межгосударственные отношения: попытки выявления неких общих правил считались заведомо порочными при оценке не только различных эпох, но и отдельных государств с присущими им интересами³⁷. По сути, речь шла об отрицании существования «трансисторического метаязыка, на который можно было бы „перевести“ языки прошлого», и в целом о невозможности преодоления дистанции между различными политическими или историческими контекстами с помощью «политического языка, содержащего универсальную норму справедливости или ссылки на смысл истории»³⁸. Необходимо, однако, отметить, что подобного взгляда придерживались не только реалисты; его разделяли, в частности, последователи немецкой школы истории понятий, а также представители Кембриджской школы интеллектуальной истории, использовавшие при изучении политических идей «теорему о неопределенности перевода» Уилларда Куайна, подразумевавшую отсутствие «однозначных критериев перевода с языка на язык»³⁹.

Классический реализм совсем не обязательно противостоял риторике с ее «акцентом на языке, нарративе и социальном конструировании»⁴⁰. Из реалистской критики либерализма за переоценку роли «слов» вовсе не следует, что сами реалисты не придавали риторике фундаментального значения. И дело отнюдь не ограничивалось признанием инструментальных функций языка. Внимательно проанализировав творчество Моргентау, Райнхольда Нибура и Артура Шлезингера, Вибекке Тьялве и Майкл Уильямс приходят к заключению, что в самом центре их воззрений «находится содержательная политическая и этическая концепция риторики», согласно которой риторика призвана служить эффективным и вместе с тем моральным инструментом выработки обществом своей «большой стратегии»⁴¹. Она не может быть циничным прикрытием интересов и вести к деструктивному шмиттовскому разделению или веберовскому доминированию харизматического лидера. Эффективная и моральная риторика способна преодолеть атомизацию современного либерального общества, не впадая в присущий ему в эпохи кризисов популизм. Ее ключевые функции — объединять общество ради достижения общей цели и одновременно поддерживать в нем плюралистическую критическую дискуссию о политике. Такая риторика должна учитывать собственную ограниченность и отражать как ведущую роль лидеров, так и вовлеченность масс. Иными словами, она

⁴² *Ibid.*: 49. должна быть «общей, критической, рефлексивной и ответственной»⁴². В качестве образца подобной риторики Тьялве и Уилльямс рассматривают ту, что легла в основание США как государства, где плюрализм может гарантировать постоянную дискуссию, сосуществуя при этом с единством, которое сохраняется не за счет исторической инерции, а благодаря неизменному желанию граждан жить вместе⁴³.

⁴³ *Ibid.*: 49—57. Будучи во многом вариациями на темы, к которым обращались уже Фукидид и Гоббс, описанные взгляды имеют схожие изъяны. Безусловно, роль языка в сплочении политических сообществ не вызывает сомнений. Неоспорима и множественность самих сообществ. Однако отсюда еще не следует их несоизмеримость. Не обязательно вытекает она и из упомянутой выше теоремы Куайна. Довольно показательна в этом плане позиция Дональда Дэвидсона, полагавшего, что, несмотря на «неопределенность перевода», интерпретация поведения говорящего на любом языке возможна, причем возможна *всегда*, если тот использует хоть какой-то осмысленный язык⁴⁴.

⁴⁴ *Davidson 1973*.

Подчеркивание несоизмеримости затрудняет рационально-критическую оценку *содержания* тех норм, которые используются для объединения разных сообществ. Так, хотя Тьялве и Уилльямс указывают на содержательный, а не только инструментальный характер риторики, ее наполнение не вполне конкретно. В итоге риторика превращается в постоянную дискуссию ради самой дискуссии. Конечно, столкновение различных интеллектуальных сил (на которое так любят ссылаться реалисты) важно; но реализм недостаточно ясно говорит о том, каковы рациональные аргументы для предпочтения той или иной из них.

Рисуемая Тьялве и Уилльямсом картина дискуссии, сочетающей в себе солидарность и плюрализм, кажется идеалистичной даже применительно к одному сообществу. И уж тем более остается неясным, каким образом риторика может обеспечить множественность разных сообществ и одновременно сплочение их вокруг общих целей.

Неореализм. По сравнению с классическим реализмом, неореализм с его претензией на «строгую научность» выглядит гораздо менее совместимым с рефлексией о языке. Однако и в нем присутствует языковая проблематика, которая тем примечательнее, чем больше она скрыта за видимостью «объективности».

На наш взгляд, Карин Фирке совершенно справедливо помещает неореалиста Кеннета Уолца в контекст «лингвистического поворота» в теории международных отношений. Она выделяет две фазы такого поворота (связывая их соответственно с «Логико-философским трактатом» и «Философскими исследованиями» Витгенштейна): первая, позитивистская, предполагает рассмотрение «языка как картины, которая отражает логику мира»; вторая — анализ «использования языка как аналогичного совершению ходов в игре»⁴⁵. Считая Уолца (как мы покажем ниже, ошибочно) «ярчайшим выразителем „позитивизма“ в международных отношениях», она вместе с тем обнаруживает у него и элементы,

⁴⁵ *Fierke 2002: 332*.

⁴⁶ *Ibid.*: 336. созвучные концепции языковых игр⁴⁶. С ее точки зрения, Уолц довольно близко подошел к пониманию *онтологии* международных отношений как социально конструируемой игры, в которой акторы, взаимодействуя, усваивают определенные правила, хотя позитивистская, корреспондентная, фиксированная *эпистемология* не позволила ему увидеть подвижность, многообразие игр⁴⁷.

⁴⁷ *Fierke 2002*: 339—340.

Но и *эпистемология* Уолца не является позитивистской. Она во многом предполагает не разделение субъекта и объекта познания, а их соединение. Для Уолца теории — не отражение мира; скорее, разные теории суть разные способы придания смысла массе эмпирических данных⁴⁸. Обратим внимание на следующие его высказывания: «Теории конструируют *некую* реальность (*a reality*), но никто никогда не сможет сказать, что это реальность *вообще* (*the reality*)»; «Если теория не здание истины и не воспроизведение реальности, то что же это тогда? Теория есть некая картина (*a picture*) ограниченной области или сферы деятельности, сформированная ментально»⁴⁹. Любопытно, что на использование Уолцем слова «картина» ссылается и Фирке⁵⁰. Однако она связывает его с корреспондентной, универсальной и фиксированной эпистемологией — попытками отражения мира. Между тем применительно к Уолцу правомернее вести речь о многообразии теорий как разных картин мира. Он даже говорит о бесконечном множестве таких картин⁵¹. Действительно, картины — не то же самое, что зеркало; они не призваны давать единственно возможное отражение.

⁴⁸ *Jackson 2010*: 37, 112—114.

⁴⁹ *Waltz 1979*: 8—9, курсив в оригинале.

⁵⁰ *Fierke 2002*: 336.

⁵¹ *Waltz 1979*: 8.

Показательно и творчество Моргана Каплана, которого, несмотря на бесспорную близость его метода к бихевиористскому⁵², тоже можно отнести к реалистам⁵³. Каплан открыто отвергал позитивизм. В полном соответствии с кибернетическим подходом, он видел в моделях систем «самореферентные конструкторы, которые выносят реальность за скобки»⁵⁴. В основе его эпистемологии лежал прагматизм Чарльза Пирса. Подобно постпозитивистам, он не верил в возможность объективного познания некоей единой реальности, не отрицая при этом важности науки⁵⁵. Но наука неизбежно несла на себе отпечаток того языка, через который она выражалась: «поскольку язык *неоднозначен*, а также исторически и культурно детерминирован», наука может быть обоснованной «лишь... в отношении к конкретной языковой системе»⁵⁶. При всем том Каплан признавал, что теории могут быть предметом дискуссии «между субъективностями и между референтными когнитивными системами»⁵⁷.

⁵² *Kaplan 2005*.

⁵³ *Hamati-Ataya 2010*.

⁵⁴ *Guilhot 2016*: 14.

⁵⁵ *Hamati-Ataya 2010*: 1093—1094.

⁵⁶ *Ibid.*: 1094, курсив в оригинале.

⁵⁷ *Ibidem*.

Таким образом, Уолц и Каплан во многом продолжили линию, которая отчетливо присутствовала в классическом реализме, — подозрительность в отношении универсалистских, рационалистических трактовок науки (и политики). И тот, и другой рассматривали науку как конструирование учеными собственных моделей, которые должны были быть лишь внутренне последовательными, а не отражать общую для всех реальность. Многие реалисты охотно восприняли философию науки Томаса Куна, которая позволяла реализму выглядеть «научным» при сохранении субъективного видения самой науки. Подобно тому как

у Куна замкнутые в себе, несоизмеримые парадигмы сменялись не через рациональное их сравнение, а в ходе революционной борьбы (здесь как нельзя уместна *политическая* метафора), так и в реалистическом подходе к международным отношениям трудно было рационально сопоставить интересы разных государств. Интересы и перспективы политических акторов, как и научные модели, оказывались субъективными, внутренне связанными, но едва ли соизмеримыми «языками»⁵⁸.

⁵⁸ Guilhot 2016.

Итак, неореализм вновь переоценивает несоизмеримость. Как возможна конструктивная коммуникация *между* разными системами, если они (как считал, например, Каплан) «самореферентны»? Интересно отметить философские параллели между неореалистами и Гоббсом. В обоих случаях присутствовало стремление сопоставить политику со строгой системой знаков, подобной математике. Однако сами политические знаковые системы устанавливались и гарантировались разными политическими *силами*, приобретая субъективный характер, — равно как и соответствующие научные модели.

Неоклассический реализм. Сохраняя акцент Уолца на структуре международной системы, представители этого весьма популярного в последние годы направления в теории международных отношений фокусируют внимание на внутренних особенностях государств, опосредующих их реакцию на исходящие от международной системы импульсы⁵⁹. Изучение специфики, скажем, воззрений политических элит или политической культуры того или иного государства, безусловно, более настраивает на анализ роли языка, чем неореализм. Тем не менее было бы преувеличением утверждать, что неоклассическому реализму удалось преодолеть те ограничения, которые были свойственны его прежним версиям. Интересы государств здесь по-прежнему предстают по большей части субъективными и произвольными, а роль языка *de facto* оказывается сведена к *различиям* языков (в прямом и переносном смысле) разных элит или культур при недооценке связи *между* этими языками.

⁵⁹ См., напр. Ripsman, Taliaferro, and Lobell 2016.

Заключение

Проведенный нами анализ показывает, что реализм отнюдь не игнорирует языковую проблематику, причем язык трактуется реалистами не только как политический инструмент, но и, что особенно интересно, как основа мировоззрения сообщества или научной модели. Критиковать реализм следует скорее за недостаток внимания к конструктивным взаимосвязям лингвополитических сообществ, к соотношению разных научных моделей, а также за излишний акцент на их несоизмеримости. В связи с этим правомерно предположить, что характерные для реализма представления о плюрализме и конфликтности имеют под собой и языковое основание.

Реализм обычно противопоставляется постпозитивизму, и между ними действительно имеются серьезные расхождения. Однако есть и общие элементы. Конечно, постпозитивисты открыто говорят о том,

что язык — один из фундаментальных факторов науки и международной практики, но схожие идеи присутствуют и в реализме. В целом, как уже отмечалось, некоторые постпозитивисты сейчас обнаруживают в реализме внимание к нематериальным факторам и связям между субъектом и объектом познания, историчность, плюрализм и контекстуальность. С одобрением воспринимая эти тенденции, постпозитивисты критикуют реализм за то, что они не были развиты *еще больше*⁶⁰. Между тем данные тенденции могут приводить к преувеличению несоизмеримости, что делает подобный подход открытым для критики, которая тем оправданнее, чем сильнее это преувеличение. Специфика разных языков, их роль в сплочении и поддержании устойчивости отдельных сообществ, бесспорно, должны признаваться. Но различия языков в пространстве и времени не являются непреодолимым препятствием для их сопоставления и диалога.

⁶⁰ Fierke 2002;
Hamati-Ataya 2010;
Paipais 2014.

Библиография

- Ball T. (1985) «Hobbes' Linguistic Turn» // *Polity*, vol. 17, no. 4: 739—760.
- Bell D. (2008) «Introduction: Under an Empty Sky — Realism and Political Theory» // Bell D., ed. *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme*. Oxford: Oxford University Press: 1—25.
- Davidson D. (1973) «Radical Interpretation» // *Dialectica*, vol. 27, no. 3/4: 313—328.
- Der Derian J. (1995) «A Reinterpretation of Realism: Genealogy, Semiology, Dromology» // Der Derian J., ed. *International Theory: Critical Investigations*. Basingstoke, London: Palgrave: 363—396.
- Fierke K.M. (2002) «Links across the Abyss: Language and Logic in International Relations» // *International Studies Quarterly*, vol. 46, no. 3: 331—354.
- Frost M. and S.Lechner. (2016) «Two Conceptions of International Practice: Aristotelian Praxis or Wittgensteinian Language-Games?» // *Review of International Studies*, vol. 42, no. 2: 334—350.
- Guilhot N. (2015) «Portrait of the Realist as a Historian: On Anti-whigism in the History of International Relations» // *European Journal of International Relations*, vol. 21, no. 1: 3—26.
- Guilhot N. (2016) «The Kuhning of Reason: Realism, Rationalism, and Political Decision in IR Theory after Thomas Kuhn» // *Review of International Studies*, vol. 42, no. 1: 3—24.
- Hamati-Ataya I. (2010) «Knowing and Judging in International Relations Theory: Realism and the Reflexive Challenge» // *Review of International Studies*, vol. 36, no. 4: 1079—1101.
- Hobbes T. (2003a) *Leviathan*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hobbes T. (2003b) *On the Citizen*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jackson P.T. (2010) *The Conduct of Inquiry in International Relations: Philosophy of Science and Its Implications for the Study of World Politics*. Abingdon: Routledge.

Kaplan M. (2005) *System and Process in International Politics*. Colchester: ECPR Press.

Kokaz N. (2001) «Moderating Power: a Thucydidean Perspective» // *Review of International Studies*, vol. 27, no. 1: 27–49.

Lebow R.N. (2008) «The Ancient Greeks and Modern Realism: Ethics, Persuasion, and Power» // Bell D., ed. *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme*. Oxford: Oxford University Press: 26–40.

Morgenthau H.J. (1947) *Scientific Man vs. Power Politics*. London: Latimer House Limited.

Nye J.S., Jr. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.

Paipais V. (2014) «Between Politics and the Political: Reading Hans J. Morgenthau's Double Critique of Depoliticisation» // *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 42, no. 2: 354–375.

Ripsman N.M., J.W.Taliaferro, and S.E.Lobell. (2016) *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. Oxford: Oxford University Press.

Tjalve V.S. and M.C.Williams. (2015) «Reviving the Rhetoric of Realism: Politics and Responsibility in Grand Strategy» // *Security Studies*, vol. 24, no. 1: 37–60.

Waltz K.N. (1979) *Theory of International Politics*. Reading: Addison-Wesley Publishing Company.

Wolin S.S. (2004) *Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

политика

N.N.Gudalov, I.V.Chernov
THE ROLE OF LANGUAGE
IN REALIST TRADITION
OF INTERNATIONAL RELATIONS

Nikolai N. Gudalov — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the Department of European Studies, Faculty of International Relations, St Petersburg State University. Email: n.gudalov@spbu.ru.

Igor V. Chernov — Ph.D. in History; Associate Professor at the Department of World Politics, Faculty of International Relations, St Petersburg State University. Email: i.chernov@spbu.ru.

Abstract. The role of language in political realism has been studied rather poorly. Moreover, in general researchers rarely pose such a question.

Although there has recently been a tendency to revise the prevailing stereotypes that reduce realism to naive materialistic ontology, primitive correspondent epistemology and ethical cynicism, there are still few works aimed at analyzing the linguistic dimension of realism. Moreover, even in those works where this issue is touched upon, no attempts are made to identify certain general trends of this direction in the theory of international relations. Meanwhile, without taking into account this dimension and its historical modifications, it is hardly possible to fully comprehend this centuries-old tradition of political thought.

To fill the gap, the authors turn to the analysis of the views of a number of major theorists of the realist school — from Thucydides and T.Hobbes to classical realists, neo-realists and neoclassical realists. Their research shows that language plays a significant (although not always clearly defined) role in realism, and it can be considered not only as a political tool, but also as the foundation of a specific community's worldview or as the footing of a scientific model. At the same time, the realist approach to language is not without its flaws that make it vulnerable to criticism. This is primarily about its inattention to the constructive relationships of linguo-political communities and the correlation between different scientific models or even the absolutization of their incommensurability. According to the authors, realism's inherent focus on pluralism and conflicts has linguistic reasons as well.

Keywords: political philosophy, philosophy of language, International relations theory, political realism, postpositivism

References

- Ball T. (1985) "Hobbes' Linguistic Turn" // *Polity*, vol. 17, no. 4: 739—760.
- Bell D. (2008) "Introduction: Under an Empty Sky — Realism and Political Theory" // Bell D., ed. *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme*. Oxford: Oxford University Press: 1—25.
- Davidson D. (1973) "Radical Interpretation" // *Dialectica*, vol. 27, no. 3/4: 313—328.
- Der Derian J. (1995) "A Reinterpretation of Realism: Genealogy, Semiology, Dromology" // Der Derian J., ed. *International Theory: Critical Investigations*. Basingstoke, London: Palgrave: 363—396.
- Fierke K.M. (2002) "Links across the Abyss: Language and Logic in International Relations" // *International Studies Quarterly*, vol. 46, no. 3: 331—354.
- Frost M. and S.Lechner. (2016) "Two Conceptions of International Practice: Aristotelian Praxis or Wittgensteinian Language-Games?" // *Review of International Studies*, vol. 42, no. 2: 334—350.
- Guilhot N. (2015) "Portrait of the Realist as a Historian: On Anti-whiggism in the History of International Relations" // *European Journal of International Relations*, vol. 21, no. 1: 3—26.
- Guilhot N. (2016) "The Kuhning of Reason: Realism, Rationalism, and Political Decision in IR Theory after Thomas Kuhn" // *Review of International Studies*, vol. 42, no. 1: 3—24.

- Hamati-Ataya I. (2010) “Knowing and Judging in International Relations Theory: Realism and the Reflexive Challenge” // *Review of International Studies*, vol. 36, no. 4: 1079–1101.
- Hobbes T. (2003a) *Leviathan*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hobbes T. (2003b) *On the Citizen*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jackson P.T. (2010) *The Conduct of Inquiry in International Relations: Philosophy of Science and Its Implications for the Study of World Politics*. Abingdon: Routledge.
- Kaplan M. (2005) *System and Process in International Politics*. Colchester: ECPR Press.
- Kokaz N. (2001) “Moderating Power: a Thucydidean Perspective” // *Review of International Studies*, vol. 27, no. 1: 27–49.
- Lebow R.N. (2008) “The Ancient Greeks and Modern Realism: Ethics, Persuasion, and Power” // Bell D., ed. *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme*. Oxford: Oxford University Press: 26–40.
- Morgenthau H.J. (1947) *Scientific Man vs. Power Politics*. London: Latimer House Limited.
- Nye J.S., Jr. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
- Paipais V. (2014) “Between Politics and the Political: Reading Hans J. Morgenthau’s Double Critique of Depoliticisation” // *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 42, no. 2: 354–375.
- Ripsman N.M., J.W.Taliaferro, and S.E.Lobell. (2016) *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. Oxford: Oxford University Press.
- Tjalve V.S. and M.C.Williams. (2015) “Reviving the Rhetoric of Realism: Politics and Responsibility in Grand Strategy” // *Security Studies*, vol. 24, no. 1: 37–60.
- Waltz K.N. (1979) *Theory of International Politics*. Reading: Addison-Wesley Publishing Company.
- Wolin S.S. (2004) *Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.